

**Е.М. Винокуров в воспоминаниях современников
(предметная область – литературное краеведение)**

Автор исследовательской работы:

Проказова Валерия Александровна,
ученица 11 б класса
МБОУ СОШ № 59 г. Брянска

Руководитель:

Кукатова Ольга Александровна,
учитель русского языка и литературы
МБОУ СОШ № 59 г. Брянска

Брянск 2015

Содержание.

1. Введение	2
2. Основное содержание :	
Место Е.М. Винокурова в современной литературе	3-6
Воспоминания поэтов - современников	7-10
Воспоминания учеников Е.М. Винокурова	11-17
3. Заключение	18
4. Список литературы	19

1. Введение.

В наше время произошло не только столкновение веков, но и столкновение тысячелетий. В современном литературном процессе на месте одних литературных направлений приходят другие, это период, когда прошлое ценится больше, чем настоящее, в этот период времени появляются новые жанры, имена.

Имя Евгения Михайловича Винокурова в последние десятилетия неоправданно забыто. Забыты его стихи, проникновенные и лиричные, философские и нравственные. В курсе литературного краеведения мы познакомились с творчеством Е.М. Винокурова. Сразу же родилась мысль подготовить мероприятие, посвященное 90- летию поэта. В ходе работы мы познакомились с большим количеством воспоминаний о поэте, чтобы составить для себя правдивый портрет творческой личности Евгения Михайловича. Результатом явилась исследовательская работа по теме «Е.М.Винокуров в воспоминаниях современников».

Цель данной научной работы является изучение воспоминаний близких к поэту людей: Татьяны Рыбаковой, Евгения Евтушенко, Беллы Ахмадулиной, Игоря Иволгина, Наталии Лясковской, Сергея Мнацаканяна, Эмиля Сокольского, Ирины Ковалевой.

Задачи работы:

- определить место Евгения Михайловича Винокурова в современном литературном процессе;
- сделать выборку из воспоминаний современников поэта;
- представить работу на заседании школьного научного общества;
- подготовить презентацию для выступления на занятиях курса по литературному краеведению.

Информация по интересующим вопросам была найдена в сети Интернет. Но в большей степени нам помогли книги: «Евгений Винокуров: жизнь, творчество, архив», «Сердца взрывная сила» Л. Лавлинского, Евгений Винокуров Собрание сочинений. В 3-х т.

2. Основное содержание:

Место Евгения Михайловича Винокурова в современном литературном процессе.

За тридцать последних лет начисто забыли поэта Евгения Михайловича Винокурова. Забыло общество. Забыли читатели. Практически не вспоминают коллеги. А ведь в 50-е годы его книгу «Синева» с восторгом приветствовал Борис Пастернак, Анастасия Цветаева, Михаил Светлов, Ярослав Смеляков, Евгений Евтушенко считали Е.М. Винокурова близким другом. Песня «Серёжка с Малой Бронной и Витька с Моховой», написанная на его стихи, была на слуху, без преувеличения, у миллионов советских людей.

Родился Евгений Михайлович 22 октября 1925 года в Брянске в семье военного Михаила Николаевича Перегудова и Евгении Матвеевны Винокуровой. Евгения Матвеевна бала родом из Севска, родилась в семье рабочего, Михаил Николаевич был родом из Борисоглебска. Родители поэта познакомились в Гражданскую войну, расписались в 1924 году в Кутаиси. В 1925 году отца по распределению направляют в Брянск. Здесь в Брянском родильном доме появился на свет будущий поэт. Когда Евгения Матвеевна находилась ещё в больнице, Михаил Николаевич зарегистрировал сына, дав ему имя матери и её фамилию.

В 1929 году Евгении Матвеевне предлагают переехать в Москву. С этого момента жизнь поэта связана с этим городом.

Евгений учился в московской школе в Плотнинском переулке. Друг поэта Константин Ваншенкин вспоминает: «Он был настоящий московский парень, никого не боялся, готов был, защищая себя, подраться на улице...» (2,стр.53). В 1941 году Винокуров закончил восьмой класс, в девятый он пошел в селе Ильинском, куда эвакуировали их семью. Десятый класс так и не закончил, подал документы в зенитно-артиллерийское училище и вскоре уже воевал, командовал взводом в 18 лет.

Он был поэт-фронтовик последнего эшелона. На фронт попал к самому исходу Великой Отечественной. Но как поэт пережил свою войну внутренне, нутром. «Я портянки разматывал, как будто перелистывал страницы солдатского дневника...» – вспоминал поэт.(2,стр.265)

Прошла война. Рассказы инвалидов
Ещё полны войны, войны, войны...
Казалось мне тогда: в мир не Евклидов -
В мир странный были мы занесены.

Я думал, жизнь проста и слишком долгод
Мой век. А жизнь - кратка и не проста.
И я пошёл в себя. Как археолог,
Я докопался до того пласта...

Я был набит по горло пережитым.
Страдания, сводившие с ума,
Меня распёрли, так ломает житом
В год страшных урожаев закрома.

И шли слова. Вот так при лесосплаве
Мчат брёвна... Люди, больше я и дня
Молчать не в силах, я молю о праве
Мне - рассказать, вам - выслушать меня.

Я требую. О, будьте так любезны!
Перед толпою иль наедине.
Я изнемог. Я вам открою бездны,
В семнадцать лет открывшиеся мне.

Я не желаю ничего иного.
Сам заплачу. Награды большей нет!..
Внутри меня вдруг появилось слово
И требует рождения на свет.

1962

Вернувшись в Москву осенью 1946 году, Евгений Михайлович никого из своих довоенных дворовых друзей не встретил, большинство погибло на фронте. Он поступает в Литинститут, знакомится с Татьяной Беленькой (1928-2008), дочь расстрелянного в 1938 первого заместителя наркома пищевой промышленности, которая вскоре становится его женой. Многие лирические произведения поэт посвящал жене. Брак продлится до 1978 года. Вскоре Татьяна Марковна выходит замуж за писателя Анатолия Рыбакова, но с бывшим мужем продолжает поддерживать дружеские отношения, вместе воспитывают дочь Ирину (критик, живет в США), а затем и внука Артема.

В 60 – 80-е его книги выходили стотысячными тиражами. В начале 80-х был издан трёхтомник стихотворений, переводов и эссеистики Евгения Михайловича. Книги его разлетались по стране. Собратья-поэты и критики относились к Е. Винокурову по-разному, как и бывает среди профи: кто с радостью, кто с ревностью, кто с завистью, кто с полным отрицанием его как поэта. Ну, последнее было как крайность, хотя время от времени появлялись обидные рецензии. Ему ставили в вину излишнюю умозрительность, рассудочность и... издательский успех.

Простите мне, стихи, что я кормился вами.
За вас, мои стихи, что я провыл нутром,
буханку рижского я брал в универсаме,
и соли полкило имел я за надлом.

Простите мне, стихи, но часто пачку чая
я за свою тоску приобретал.
Издательский кассир, меня не замечая,
презренный мне отсчитывал металл...

Простите мне, стихи. Хозяйственного мыла
я приобрёл и леденцов на вес
за вас, пришедшие мне из другого мира,
ниспосланные мне, так, ни за что, с небес.

1982.

Иногда знакомые и друзья шутили: «Женя Винокуров – поэт идеальных форм...» – имея в виду почти идеальную округлость его коренастой невысокой фигуры. Однако за благообразной внешностью таились острый ум и крупный талант. А ещё добрый человек, который многим помогал. Причём бескорыстно, не по-сегодняшнему...

Особенно когда заведовал отделом поэзии в «Новом мире» тех, советских времён. В том великом «Новом мире» поэтов любили. В те годы в отдел поэзии журнала были способны впустить автора даже с улицы. Были бы стихи!

Но время от времени он задумчиво произносил то одному, то другому своему знакомцу: «Пока что мне везёт... Вот ещё одна книга. Но я готов к тому, что всё это может закончиться...»

Оказалось, что готов не был. Однажды со своим другом стояли в очереди за чашкой кофе в цедээльском «пёстром зале». Это было во время двуличной борьбы с народным пьянством и алкоголизмом. В стандартных чашках буфетчицы отпускали «своим» хмельной напиток. Евгений Михайлович говорил о своей гипертонии – а у него было очень высокое давление – как о болезни семейной, о том, что он практически не замечает его. Но эти слова были самообманом. Давление не отпускало, сосуды не выдерживали. В своей ранней старости ему довелось пережить целый «цикл» микроинсультов. В конце восьмидесятых – начале девяностых он практически жил один в своей большой квартире, без быта, без необходимого ухода. Книги не выходили, сбережения катастрофически таяли в годы беспощадной «либерализации» цен. А в бедности жить Евгений Винокуров не привык. Да и не умел. Он сам не мог поверить, что жизнь развернулась таким образом. Не мог отказаться от самостоятельности. Наверное, не мог смириться с тем, что уходит известность и всё тяжелее надвигается старость.

Евгений Михайлович умер зимой 1993 года.

Поэт любил время от времени вспомнить старую латинскую фразу: «Где люди – там скандал». Сам он скандалов не затевал.

22 октября ему исполнилось бы 90 лет.

Я когда-нибудь снимусь над молотом,
С облаками где-то вдалеке,
Я хочу запомниться весёлым,
С веткою какой-нибудь в руке.

Чтоб кричали чайки над заливом,
Чтобы ветерок его рябил.
Я хочу запомниться счастливым,
Тем, каким я никогда не был.

Чтоб за кипарисом белый город
Виден был вдали едва-едва,
Чтобы был запахнут белый ворот:
Дескать, всё на свете - трын-трава!

Чтоб контрастно вышла бы при свете
Тень от улетающих волос...
Вот таким я жить хотел на свете,
И таким мне быть не удалось.

Воспоминания поэтов - современников

Евгений ЕВТУШЕНКО, *поэт*:

– Сам Винокуров проявляется в лирическом герое тогда, когда, ценя преимущество тишины перед суматошным шумом псевдосовременности, он, тем не менее, «просит бури, как будто в бурях есть покой». Но бурю эту Винокуров видит не в мелодраматическом разрывании рубахи на груди, а в приглушённой некрикливой обыденности. Выражение «буря в стакане воды» давно стало нарицательным для изображения фальшивых страстей, но ведь буря может быть внутри простой слезинки, которую не способен разложить на составные части даже такой мастер рассекания форм, как Пикассо. Я бы сказал, что главная тема Е. Винокурова – это трагедийность обыденного. Недаром он сказал: «Трагическая тень лежит под каждой травинкой в поле».

Вместе с тем ощущение трагичности бытия никогда не приводит Винокурова к поверхностному кокетливому пессимизму. В пессимизм ему не дают впасть и здоровая рабочая основа его характера, и подлинная культура, равно несовместимая как с безнадёжным взглядом на мир, так и с розовым бодрячиством. Винокуров – полноценный человек, и поэтому, как поэт, лишён неплодотворного ощущения неполноценности.

Белла АХМАДУЛИНА, *поэт*:

– Я уважаю редкую и завидную удачу Винокурова: безукоризненное совпадение предмета, который он имеет в виду, и слово, которое он говорит, точно впадет, без расточительных затрат многословия. Дисциплина его языка такова, что между сутью вымысла и облекающей её формой нет неопрятного зазора пустоты. Художник всегда подлежит мощной диктовке пространства, звездопаду сторонней музыки, от которого некуда спрятать голову. В этом поединке исполнитель не всегда поспевает за указкой великого дирижёра. Муза же Винокурова явно ладит с повелевающим смыслом, воплощая его в безошибочный звук. Мне кажется, что он чужд разлада с желаемым и ещё до склона лет, до тютчевских седин, решил задачу, заданную его таланту, приводя её к единственно правильному ответу в пределах каждого стихотворения.

Винокуров, разумеется, вырос и менялся по мере жизни, но его младость и зрелость, мальчик в шинели и маститый поэт трогательно и чудесно схожи меж собой и не пребывают в разлуке. Он сразу преуспел в доказательстве задиристо приметного своеобразия, на том стоит и тем лёгок для памяти. Его именем называем мы не только человека, известного уму и родимого сердцу, но и целую отвлечённую громоздкость – самостоятельную грамматику, особый штиль речи: рассуждать о возвышенном на уровне земли с её травой, суглинком и житьём-бытьём сограждан.

Этот способ стихосложения дерзит сладкой для слуха витиеватости пиитов и самоотверженно не ищет выгоды быстрого успеха. Водится за Винокуровым и ещё одна доблесть: его замкнутая сосредоточенность на прямой цели поэтического труда, решительная несклонность к эстраде, прочно повенчавшей в наше время поэзию и её почитателей. Стихи Винокурова в меньшей мере собственность слушателей, чем пристальных и вдумчивых читателей, и эта старинная принадлежность кажется мне достойной и чистой.

Я всегда помню и упоминаю, что Винокуров приходился мне учителем, с тем большей благодарностью, что, пестуя моё ученичество, он вовсе не ждал и не просил моего уподобления ему, поощряя лишь несходство и независимость, подобающие человеку.

Игорь ВОЛГИН, поэт, литературовед:

– Если быт у Винокурова эпичен, то эпос «обытовлен»: и то и другое свидетельствует о сокровенном единстве бытия.

Нужды нет, что, ступая на наш порог, поэт (может быть, для нашего же блага) оставляет за дверью «котомку, посох и багряный плащ». Мы-то знаем, что багряный плащ пророка и выдавшая виды солдатская скатка имеют у Винокурова равновеликую ценность. Можно даже сказать, что тот самый армейский борщ, с которого «снял пробу врач и командир полка», естественнейшим образом продолжает дымиться в высоком мире винокуровской лирики.

Дух воспаряет, причём свободно воспаряет, в горние выси, будучи обременён многочисленными житейскими подробностями. И его восхождение неотделимо от его нисхождения...

И когда поэт, именующий небеса высокой библейщиной (что звучит почти как смысловая «рифма» к излюбленной Винокуровым «смачной бытовщине»), говорит: «Только дух скрепляет мирозданье, словно бы извёстка кирпичи», то тут он, кажется, даёт ключ к собственной эстетической системе. Приоритет духовного утверждается с помощью образа, в состав которого входят строительные материалы: трудно подобрать более вещественную метафору!

Лев Толстой однажды восхитился, когда Фет прислал ему тончайшие лирические стихи о звёздах, написанные на обороте листка, где речь шла о ценах на керосин. «Это побочный, но верный признак поэта», – заметил Толстой.

Винокуров как бы уничтожил различие между «лицом» и «оборотом». Для этого потребовалось мощное духовное напряжение. При этом его герой не претендует на абсолютную истину и не настаивает на той точке зрения, которая, положим, кажется ему предпочтительной. Он, этот герой, чувствует подвохи бытия. Мир Винокурова – это мир антиномий.

Говорили на рынке
среди яблок дородных и дичи,
на ночных маскарадах
и за стаканом вина,
что у мрачного Данте,
тоскующего по Беатриче,
есть простая, однако ж,
заботливая
жена,
та, что мясо варила
и пуговицы пришивала,
кружевные рубахи, кряхтя,
опускала в крахмал...
Странно думать, что Данте,
спагетти поев до отвала,
развалившийся в кресле дремал.

Этот мотив уже возникал в русской поэзии. Например, у Заболоцкого. Но Винокуров поворачивает сюжет по-своему. Конечно, изображённая им подруга «мрачного Данте» не чета той, которая восседает «выше нашего мира и с богом самим наравне»: они существуют в разных жизненных измерениях. Однако здесь обнаруживается соперничество более высокого, быть может, мирового, порядка:

Нет, не зря Беатриче
над ним своим нимбом сияла,
с неземною улыбкой своей
на прекрасном лице!
Но жена ему ноги
укутала в одеяло
и пошла потихоньку к себе
со свечой и в чепце...

Беатриче не отрицает жены, но если последняя легко обойдётся без первой, то ещё большой вопрос, может ли случиться обратное. Идеальная любовь, не поддержанная прозой, – это чистый кислород, сжигающий лёгкие: им можно спастись, но нельзя дышать.

Воспоминания учеников Е.М. Винокурова

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ, *поэт, переводчик*:

– Я попала в его семинар по выбору самого Евгения Михайловича. Я его даже не знала тогда, увлекалась совсем другими стихами и поэтами. Конечно, слышала, что есть такой поэт, автор замечательного стихотворения «Москвичи», переложенного на музыку Андреем Эшпаем: «Но помнит мир спасённый, мир вечный, мир живой, Серёжку с Малой Бронной и Витьку с Моховой». И песню эту очень любила и люблю. Но тогда не слышала даже его легендарного стихотворения «Моя любимая стирала», вошедшего почти во все его книги и всевозможные поэтические антологии. Может быть, он почувствовал поэтическое родство в моём стихотворении о детстве: «...меня в саду на табурете купала мама, плавал свет на волосах и мокрой кофте, простым движением одним сгоняла пену, будто дым, и воду пробовала локтем – веснушчатый и золотым...» Он всегда его отмечал...

В семинарах он собирал людей, которые так или иначе становились знаковыми фигурами в литературе. На наших встречах всё кипело, бурлило, люди смеялись и плакали, «сверкали ножи», но торжествовали – при умном участии нашего Мастера – любовь и нежность друг к другу... Мы учились у него, даже не замечая, что учимся. Евгений Михайлович ко всем нам относился с любознательным интересом учёного-исследователя. Позже в короткой беседе он признался мне и Ире Васильковой: «Семинар – это моя маленькая модель мира. Я так выбираю учеников: сначала человек должен быть талантлив. Потом у меня непременно должны быть светловолосая красавица и красавица-брюнетка. Грустный паяц, весёлый рыжий, первый любовник, солдат, лекарь и палач... Бедные родственники и приёмные дети». Меня он иронично называл «критерий истины» – за юношеский максимализм и нежелание лгать. У Винокурова было озорное и необидное чувство юмора. На самом деле, наверное, мы были его настоящей семьёй – он был тогда уже одинок...

Евгений Михайлович читал наши рукописи в последний момент перед обсуждением – и всегда реагировал блистательно точно, мгновенно выхватывая самую суть стихотворения, лучшие метафоры и строки, слабые места. Как искренне он восхищался талантом своих учеников, как смаковал каждую поэтическую находку, удачу, тут же проводя массу параллелей с классикой и современными авторами, обнажая недюжинную эрудицию! А когда стихи оказывались неудачными, закидывал толстенькую ножку на колени и шутил: «Ну почему я, такой утончённый, должен это читать?!» И всегда искренне удивлялся живучести и неизводимости «молодой поросли».

Винокуров совсем не был похож на «ветерана войны», как нам они тогда представлялись, – всегда моложав, оживлён, с жадным молодым интересом к жизни и людям. Я так и воспринимала его: как человека ненамного старше нас. А ведь на войне он был разведчиком, награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями... Он постоянно приводил к нам гостей – своих друзей. Чаще всего это были легендарные люди: поэты, прозаики, композиторы. По тому, с каким пиететом они к нему относились, я вдруг поняла, что наш руководитель семинара – редкий человек, знаковая личность в русской поэзии. Вот тогда-то я и стала зачитываться его стихами, узнавая о нём всё больше и больше, преисполняясь уважением к своему Учителю. Ведь первые его стихи были напечатаны в 1948 г. в журнале «Смена» с предисловием И.Г. Эренбурга. В 1951-м он окончил наш Литературный институт, тогда же вышла первая его книга – «Стихи о долге», в 1956 г. – сборник «Синева», вызвавший одобрение Бориса Пастернака. Вместе со Степаном Щипачёвым он возглавлял поэтический отдел журнала «Октябрь», печатал Ахмадулину, Леонида Мартынова, Бориса Слуцкого, вернувшихся из лагерей Николая Заболоцкого и Ярослава Смелякова. С 1971 по 1987 г. был заведующим отделом поэзии журнала «Новый мир». Под редакцией Винокурова в 1974 г. вышла антология «Русская поэзия XIX века». В 1987-м, уже после того как я окончила институт, Винокуров получил Государственную премию СССР за сборники «Бытие» и «Ипостась». Я многое узнала о творчестве поэта Винокурова, но о его реальной жизни, о бытовой её стороне находилась в полном неведении. А быт его был, оказывается, очень нелёгким...

По окончании института меня отнесло жизненной волной далеко в сторону. Когда я узнала, что он умер, это был сильный удар! Столько осталось невысказанного, неслышанного, невыясненного между нами...

Но он не зря написал гениальные строки: «Художник, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться». Винокуров воспитал хороших учеников. Он, как в траве лежащий жёлудь, заключил в себе целый «грядущий бор»:

ДУБ

Хороша листвы шуршащей шуба,
тень под нею – странника приют...

А из-под земли по жилкам дуба
кверху соки жизненные бьют!

Молодые бьют под небо соки,
вверх, туда, где шелестит листва!..

Оттого могучи и высоки
в этой древней роще дерева...

Как шумит он в полдень, мило-любо!

Хорошо лежать в его тени!..
Тайна вызревающего дуба
только тайне мировой сродни...
А вокруг кипит лесная молодежь,
тоненьких дубков весёлый спор...
А в густой траве лежащий жёлудь
заключил в себе грядущий бор...

Сергей МНАЦКАНЯН, *поэт, критик, переводчик*:

– Время от времени афористичность, сентенции, избыток мысли как бы подменяли в его стихах душевные и житейские страсти. Именно поэтому оппоненты отказывали ему в праве «называться поэтом». Но это было в высшей степени несправедливо. Поэтом Евгений Винокуров был замечательным – тонким, умным, временами блистательным. Не зря его новые книги отлавливали ценители поэзии по всей стране. В разные годы мне довелось посвятить Евгению Михайловичу два стихотворения. Одно – даже, может быть, несколько приближенное к его философским выкладкам, потому и посвятил. А второе – прямой портрет, как мне он в какую-то минуту показался.

Он и был одним из пророков современного мира и одновременно чернорабочим русского стиха. Что-что, а писать стихи он умел так, как умеют немногие.

Эмиль СОКОЛЬСКИЙ, *критик, литературовед*:

– Больше всего меня волнуют те винокуровские стихи, где он признаётся – словно бы неожиданно для себя самого, – насколько ему бывает тесно в этом любимом, обжитом им уюте. И вот однажды, когда поэт отправляется в магазин за продуктами и переулочек приводит его дымящей реке, он останавливается, замороженный, «почувствовав голос тайной дикой воли от ветра, от реки, от облаков».

А «как сладок был побег с урока»! – вспоминает Винокуров детство. Тогда он забрёл в Сокольники, больно чувствуя в себе «преступную по сути тягу к неразрешённой синеве» (я думаю, такое знакомо любому примерно школьнику, но не отличнику, конечно).

Одним из лучших стихотворений Винокурова я считаю вот это, которое привожу полностью. И на том замолкаю: добавить нечего.

Порой в гостях, за чашкой чая,
Вращая ложечкой лимон,
Я вздрогну, втайне ощущая
Мир вечности, полёт времён.

И чую, где-то по орбитам
Мы в беспредельности летим.
О, если б воспарить над бытом,
Подняться бы, восстать над ним!
И выйти на вселенский стержень,
И в беспредельности кружить,
Где в воздухе, что так разрежен,
Нельзя дышать, но можно жить.

Ирина КОВАЛЁВА, *поэт, переводчик:*

– Готовясь к вечерам памяти, со временем, переросшим в Винокуровские чтения, которые мы с Иваном Белокрыловым ежегодно проводим в ЦДЛ, я прочитала и выслушала множество воспоминаний о своём Мастере: ироничных и серьёзных, уважительных и уничижительных, изложенных с восхищением и с творческой ревностью... Рассказы эти, как правило, больше говорят о вспоминающих, чем о самом поэте, но что удивительнее всего – в них невозможно найти двух одинаковых Винокуровых! У каждого он свой...

В тот день началась внезапная оттепель после крещенских морозов. Сейчас температурными качелями в разгар зимы никого не удивишь, но тогда они ещё были редкостью. Не погода, а катастрофа для сосудистых больных! А ведь у Евгения Михайловича уже был инсульт. Он пережил его в 45 лет – слишком рано, как и многое в своей судьбе.

Винокуров ушёл на войну в семнадцать, в восемнадцать уже командовал артиллерийской батареей (его подчинённые были вдвое старше своего отца-командира), в девятнадцать отпраздновал Победу в городке Обер-Глогау в Силезии, в двадцать у него обнаружили туберкулёз лёгких, который лечили тогда варварским методом – «заливали жиром», закармливая исхудавших на фронте пациентов суперкалорийной пищей, чтобы те поправились в прямом и переносном смысле. С болезнью было покончено, но возникли другие проблемы, не менее серьёзные: Винокурову сорвали обмен веществ, он располнел и заработал диабет, а ведь для сосудов нет ничего хуже, чем высокий сахар и холестерин!

По первой профессии я невролог, и Винокуров иногда советовался со мной о своём здоровье. В тот январский день меня не отпускала тревога за него, я собиралась ему позвонить. Мы не общались почти месяц: перед Новым годом у нас дома отключился телефон (повредили провод и долго не могли обнаружить, где именно). Заработал он лишь в конце января. Первое, что я услышала, сняв трубку, были слова о том, что Евгения Михайловича больше нет.

Он, который, по признанию бывшей жены, не знал, где булочная находится, в свой последний день униженно обивал пороги учреждений по поводу приватизации жилья, чтобы оставить квартиру дочке и внукам, переехавшим в Америку. Вернувшись домой, почувствовал себя плохо и умер от инфаркта. Не знаю, почему он, всегда такой осторожный, обладавший великолепным инстинктом самосохранения, не поберёг себя на этот раз. Остался бы дома, отлежался и пожил бы ещё – ведь было ему всего 67 лет. Какая горькая мысль!

Познакомились мы тремя годами раньше – в последний, не самый позитивный период его жизни. Винокуров был болен и одинок, стихи перестали выходить, слава померкла, страна распалась, но у него остались ученики – студенты из его последнего семинара, по мере сил заботившиеся о нём и отчасти заменившие ему семью. Я попала в их число с лёгкой руки Леонида Володарского, о котором Евгений Михайлович когда-то написал как о многообещающем поэте. Леонид настоял на том, чтобы я бросила аспирантуру, пристроил литконсультантом в перестроечный, выходивший миллионными тиражами «Огонёк» и отправил проситься в семинар к Винокурову. Никогда в жизни я так не волновалась! Как он ко мне отнесётся? Вдруг будет не в духе и прогонит? Если откажется взять подборку или стихи не понравятся – что тогда делать? Но стоило заглянуть в шестую аудиторию, как страх сменился изумлением: неужели это и есть тот самый Винокуров? В сидевшем за столом человеке не обнаружилось ничего величественного, поэтического. Он не имел ни тени сходства с образом грозного вершителя судеб и даже с фотографиями в книжках, а был какой-то маленький, недовольный, усталый – словом, вполне земной, совсем не страшный, и от растерянности я выпалила: «Вы действительно Винокуров?» Он ничуть не удивился идиотскому вопросу, взял у меня стихи, будто только того и ждал, что кто-нибудь их принесёт. Набора в винокуровский семинар в 1990 году не предполагалось, но Евгений Михайлович настоял, чтобы меня взяли в институт вне конкурса и чтобы непременно – к нему! В рекомендации написал: «Считаю, что Литинститут нуждается в Ирине Ковалёвой больше, чем она в нём». Наведывался в приёмную комиссию, проверял: всё ли там в порядке с моей рукописью, не напутали ли чего? Ободрённая таким приёмом, я привела к нему своего приятеля – барда Диму Домбровского, и Винокуров тоже принял его в свой семинар.

Так началась наша дружба. Это определение – Евгения Михайловича, не моё. Сама бы я не решилась заявлять, что дружила с Винокуровым. Слишком большая дистанция была между нами! Общаясь с ним, всегда ощущала исключительность момента: знала, что должна запомнить все «до чёрточки последней, до детали», почти физически чувствовала шелест песка в часах его жизни, и от пронзительной жалости к нему, от бессмысленного усилия удержать ускользающее сохранила в голове гораздо

меньше, чем могла и хотела. Он был для меня – для всех нас! – как «огромный свет» из его же стихотворения о свойствах памяти, написанного в 1961 году. Считаю его программным у Винокурова, а потому привожу полностью:

СВЕТ

Я дневников не вёл. Я фактов не копил.
Я частность презирал. Подробность ненавидел.
Огромный свет глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя не видел.
Но годы шли. И в дружеском кругу
Хочу я рассказать о дальней дали.
Но ничего припомнить не могу,
Ни чёрточки случайной, ни детали.
Хоть малость бы какую! Нет как нет!
Передо мною лишь одно, не боле,
Один лишь белый тот слепящий свет,
Глаза, как бритва, режущий до боли.

1961

Из этого винокуровского стихотворения, как Достоевский из гоголевской «Шинели», уже после смерти Евгения Михайловича вышло целое литературное направление – светореализм, который представляем мы с Иваном Белокрыловым и Леонидом Володарским, придумавшим этот термин.

3. Заключение.

Своим исследованием я доказала, что память о поэте, учителе, человеке Евгении Михайловиче Винокурове жива в сердцах его современников, учеников, почитателей его таланта.

С помощью воспоминаний можно правдиво и объёмно представить каким человеком, поэтом и учителем был Евгений Михайлович.

Данная работа будет интересна не только литераторам, преподавателям, но и нам землякам. 2016 год объявлен Годом литературы, тем знаменательнее данная работа, посвященная 90 –летию со дня рождения нашего дорогого земляка.

4.Список литературы.

Художественная литература.

1. Винокуров Е.М. Собрание сочинений. В 3-х т.-М.: Художест. лит.,1984. Научная литература.
2. Евгений Винокуров : жизнь, творчество, архив.- М.: РИК Русанова, 2000.
3. Л.Лавлинский Сердца взрывная сила (о лирической поэзии 60 годов). - М.: Советский писатель,1972
Интернет — ресурсы
4. <http://ru.wikipedia.org/wik>-Википедия. Свободная энциклопедия
5. Литературная газета, 2015, №41(электронный вариант)
7. <http://feb-web.ru/>-Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор
8. <http://slovari.ru/>-Литературная энциклопедия

